

Овсянников В. В. БИБЛИОГРАФИЯ КАК ТЕКСТ И ДИСКУРС

Целью настоящей статьи является представить коммуникативный потенциал библиографии в свете таких категорий, как текст и дискурс.

Под текстом здесь понимается объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Под дискурсом – связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; речь, «погруженная в жизнь» [1].

Многочисленные типологии текстов в той или иной мере восходят к знаменитой формуле «*quis quid quando ubi cur quem ad modum quibus adminiculis*», которая была включена в американскую «Новую риторику» Гарольдом Дуайтом Лассвеллом в 1948 году в виде последовательности вопросов: «Who says what in which channel to whom with what effect» [2].

Наиболее последовательно среди лингвистических дисциплин разницу между текстом и дискурсом проводит переводоведение, убедительным подтверждением чему являются соответствующие разделы энциклопедии под редакцией Моны Бейкер [3]. Известное деление текстов на экспрессивные, информативные и вокативные не устраивает тех специалистов, которые стремятся к созданию более «земной» типологии, облегчающей практический процесс выполнения задач. Так появляются жанрово-ориентированные типологии, в которых находится место для таких текстов, как учебник, инструкция, деловое письмо, эссе, афоризм и др. [4, с. 48].

Библиография не попала в упомянутую классификацию И. С. Алексеевой, (как, впрочем, и многие другие словесные последовательности, отвечающие приведенному определению текста), по очевидным причинам. Несмотря на то, что в таких типологиях появляется уже не три вида текста, а гораздо больше, их представляется возможным детализировать и расширять до бесконечности, выделяя все новые родовидовые отношения и новые ограничения по линии продуцирования, стилистической организации, специфике лингвистической функции, особенностям ролевых отношений коммуникантов и т. д.

Такие типологии справедливо критикуют за отсутствие внятных критериев деления (так называемое деление «на инженеров и блондинов»). Например, в нашем случае учебник попадает в один ряд с религиозным текстом и монографией. Но религиозный текст может быть одновременно и учебником богословия, и монографией, точно так же, как любая монография может выполнять функции учебника. Учебник, все-таки, по определению – не текст, а книга, содержащая особым родом структурированную информацию по науке, преподаваемой в виде учебной дисциплины в школах и других учебных заведениях.

Практически каждый текст, обозначенный в типологиях указанного рода, образует отношения пересечения (*overlapping*) с другими текстами. Философский текст может быть одновременно религиозным, и может поступать адресату в виде проповеди, между тем, как в перечне И. С. Алексеевой все это – разные тексты.

Если деление «на инженеров и блондинов» является неприемлемым с теоретических позиций, то с практических – именно оно позволяет легко найти прецедентный текст и соответствующие рекомендации к переводу. («Суша теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет!»)

Особую важность в рамках настоящего исследования приобретают те работы, которые предлагают общий перечень признаков функционирования словесной последовательности в качестве текста и в качестве дискурса: «...all well-formed texts, oral and written, possess all of the following characteristics:

1. They are cohesive in texture.
2. They are coherent and exhibit a particular structure.
3. They serve a clear rhetorical purpose as texts.
4. They relay specific attitudinal meanings as discourse.
5. They are in keeping with the requirements of certain conventional formats as genres.
6. They serve a set of mutually relevant communicative intentions pragmatically» [5, p. 41].

Рассмотрим особенности функционирования библиографии в виде текста. Наиболее существенным в этом смысле представляется следующее:

1. Библиография – текст, находящийся в неразрывной связи с «основным» текстом, который является таковым, потому что эксплицирует ту логику, которая заложена в библиографии имплицитно. В этом смысле библиография – непроницаемый текст для непосвященных (*outsiders*).

2. Библиография говорит посвященным об очень многом, в частности – о начитанности автора. Библиография – один из тех элементов диссертационного исследования, к которому, прежде всего, обращаются рецензенты. Чтение библиографии рецензентами можно сравнить с беглым знакомством с новостями по газетным заголовкам.

3. Библиография – один из наиболее жестко структурированных текстов: алфавитный порядок, нумерация, четкий перечень и строгая последовательность выходных данных, особая пунктуация.

4. Несмотря на строгую организацию, библиография является неповторимой конфигурацией работ, столь же неповторимой, как отпечаток пальца или шахматная партия. Даже если вообразить стопроцентно совпадающие библиографии, все равно ее интерпретация в «основном тексте» будет иметь черты отличия.

5. Библиография имеет большую или меньшую степень зависимости от основного текста. Некоторые работы, обозначенные в библиографии, характеризуют либо поверхностное («по диагонали») знакомство автора с приведенной работой, либо упоминаются для красного словца и демонстрации эрудиции, не вписываясь в логику «основного текста».

6. Библиография является жанром диссертационного исследования и представителем синсемантических (контекстуально-зависимых) научных текстов: тезисов, резюме, аннотаций, отзывов, рецензий, патентов и программ научных конференций. Общими признаками указанных жанров являются краткость, терминологичность, имплицитное присутствие «главного текста», который в виде хемингуэевского «айсберга» незримо, но

ощутимо присутствует в каждом из них. Отличием библиографии является обязательная формальная и содержательная инкорпорированность ее в диссертационный формат.

Библиография в качестве дискурса отчетливо обозначает ряд оппозиций:

1. «Свой – чужой». По библиографии можно определить принадлежность / непринадлежность автора миру науки; принадлежность / непринадлежность автора данной отрасли науки (филологии, например), данной дисциплине (грамматике, стилистике и т. д.), данной школе (для переводоведения, например, «скопос» – теории, лингвистической школе, манипуляционной школе и т. д.)

2. «Новое – старое». Любая библиография должна подтверждать известный тезис о так называемой «новизне». Содержательные связи библиографии с «главным текстом» на самом деле чаще всего обозначают как раз прямо противоположное: ничто не ново под луной! Но несчастный соискатель в духе доброй старой советской традиции вынужден своей библиографией продемонстрировать сразу две противоположные вещи: новизну и актуальность (то, что ново, еще не актуально – то, что актуально, уже не ново!) Вымученное и хвастливое «впервые» чаще всего обозначает не новое слово в науке, а облекает давно известное в новые слова [5].

3. «Младший – старший». Любой автор в своей библиографии играет роль младшего по отношению к своим предшественникам, труды которых он обязан учитывать и с которыми он должен полемизировать в борьбе за пресловутую «новизну». Такую же роль младшего автор играет по отношению к тем, кто выносит вердикт о качестве его труда: своим рецензентам и оппонентам. Последние не прочь напомнить автору о роли младшего репликой: «Как, Вы не читали работы А.? Очень рекомендую познакомиться!» В неофициальной обстановке такая реплика совершенно безобидна, хотя имплицитно ту же самую оппозицию. На официальном форуме это – удар ниже пояса.

4. «Научный – не научный». В область «научного» библиографии наряду с полезными трудами заносят конъюнктуру. Это очень понятная тактика, объясняемая желанием получить ученую степень. Для этого нужно немножко подсутиться и тщательно прописать в библиографии имена тех людей, которые могут помешать получить ученую степень. В область «не научного» могут попасть действительно знаковые работы.

С далеких дней ленинградской аспирантуры я был убежден, что в академическом мире западных демократий установлены нормальные правила игры, не обрекающие человека на мучительные сделки с совестью. Но вот мнения авторитетнейших ученых, которые обеспокоены состоянием дел в библиографическом дискурсе и другими проявлениями застоя:

«This book is not written by a scholar. I once published a controversial piece on Corneille's *Horace* in *French Studies*, and was encouraged to work for a doctorate, but there was too much in the making that didn't interest me, so I gave up. And a German professor refused to review *Approaches* because it had so many mistakes in the bibliography; which is regrettable (he was asked to point them out, but refused; later, he changed his mind and reviewed the book), but academic detail is not essential of that or this book either» [6, p. XI].

«Tenure in the academy today, the approval of one's professional peers, the assistance and laurels in their giving, are not infrequently symptoms of opportunism and mediocre conventionality. A degree of exclusion, of compelled apartness, may be one of the conditions of valid work. Scientific research and advance are in substantial measure and logic collaborative. In the humanities, in the disciplines of intuitive, committees, colloquia, the conference circuit are the bane. **Nothing is more ludicrous than the roll-call of academic colleagues and sponsors set out in grateful footnotes at the bottom of trivia** (выделено мною – В. О.). In poetics, in philosophy, in hermeneutics, work worth doing will more often than not be produced against the grain and in marginality» [7, p. IX].

Выводы

1. Библиография, как текст, сообщает информацию, направленную «вовнутрь». Библиография, как дискурс, сообщает информацию об экстралингвистической ситуации, неблагополучие в которой хорошо известно «посвященным»

2. Исследование библиографии в качестве дискурса позволяет утверждать, что «правила игры», в которых должна развиваться наука на Украине, далеки от демократии и здравого смысла. Эти правила так же губительны для науки, как «дедовщина» в армии для боевой подготовки.

3. Практика библиографического дискурса – разительный пример коррупции, разъедающей наше общество, где поощряется раболепие и любовь к степени, а не бескорыстное служение науке.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярэва. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Nord, Christiane. Text analysis in translator training // Teaching Translation and Interpreting: Training Talent and Experience // Papers from the First Language International Conference: Elsinore, Denmark, 31 May – 2 June 1991 (Copenhagen Studies in Translation). Ed. By Cay Dollerup and Anne Loddegaard. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1992. – P. 39 – 48.
3. Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. By Mona Baker. – Routledge: London and New York, 2004. – 654 p.
4. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб: Союз, 2001. – 288 с.
5. Hatim, Basil and Mason, Ian. The Translator as Communicator. – London and New York: Routledge, 1997. – 244 p.
6. Овсянников В. В. Новообразования академического жаргона // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: Материалы III Международной научной конференции 19-20 апреля 2007 года. – Днепропетровск: Пороги, 2007. – С. 373-375.
7. Newmark, Peter. A Textbook of Translation. – Longman, 2003. – 292 p.
8. Steiner, George. After Babel: Aspects of Language and Translation. – Oxford and New York: Oxford University Press, 1998. – 538 p.